

А. П. Юшкевич

«ДЕЛО» АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА

21 мая 1988 г. газета «Советская культура» опубликовала три письма выдающегося советского физика акад. П. Л. Капицы о необоснованных преследованиях трех ученых: академика-математика Н. Н. Лузина, физика и математика академика В. А. Фока и еще одного академика — физика А. Д. Сахарова. В студенческие годы я слушал лекции Н. Н. Лузина и восхищался им, многие его исследования были мне знакомы; наконец после Великой Отечественной войны мне довелось с ним сотрудничать в одном историко-научном мероприятии, и общение с ним было весьма приятным. Письмо П. Л. Капицы от 6 июля 1936 г. председателю Совнаркома В. М. Молотову в защиту Н. Н. Лузина (1883—1950) меня взволновало и заинтересовало. Как писала редакция «Советской культуры», это письмо было вызвано «кампанией шельмования одного из самых крупных советских математиков, основателя большой научной школы, академика Н. Н. Лузина». В 1936 г. я преподавал в МВТУ и не был непосредственно связан ни с Московским университетом, ни с Академией наук, где тогда работал Лузин, и знал об этой кампании шельмования немного, только понаслышке. Письмо Капицы побудило меня подробно изучить доступные печатные и архивные материалы о «деле академика Н. Н. Лузина». Несмотря на полувековую давность, «дело» представилось мне важным элементом истории науки как социального феномена, тем более что в нем существенное значение имели проблемы научной этики. Кроме того, мне было известно, что «делом» занялись некоторые зарубежные ученые, уже начавшие выступать в печати, но не располагающие архивными материалами, мне доступными. Предварительные итоги моего изучения «дела Н. Н. Лузина» (это выражение взято из официальных бумаг) я напечатал в «Вестнике Академии наук СССР», 1989, № 4, с 102—113. Уже когда статья была сдана в редакцию, я смог познакомиться с протоколами академической комиссии, созданной для рассмотрения «дела»; они оказались весьма важными, но упомянуть их в своей статье я мог только мельком. Теперь я предлагаю более полный, хотя и не исчерпывающий все стороны вопроса, разбор «дела Н. Н. Лузина». Здесь я должен прежде всего поблагодарить директора Архива АН СССР Б. В. Левшина, предоставившего в мое распоряжение все нужные материалы, сотрудницу Архива И. П. Староверову, указавшую мне на тетради со стенограммами заседаний академической комиссии, и Н. С. Ермолаеву, подбравшую для меня многочисленные печатные материалы, помещенные в различных газетах и журналах; некоторые материалы подобрала также Т. А. Токарева.

Кампанию шельмования Н. Н. Лузина открыла злобная статья в «Правде» от 3 июля 1936 г., но своими корнями «дело» уходит в конец 20-х и начало 30-х гг.

Новая экономическая политика была в то время прекращена, началось ускоренное развитие тяжелой промышленности за счет легкой и связанные с этим насильственная коллективизация и разорение крестьянства, резкое ухудшение продовольственного положения в стране и т. д. Вину за хозяйственные трудности руководств страны сочло целесообразным свалить на кадры ведущих специалистов — в первую очередь инженеров и экономистов, как правило, беспартийных и нередко занимавших ответственные посты в Госплане, ВСНХ, на предприятиях и т. д. Летом 1928 г. состоялся Шахтинский процесс, и за мнимое вредительство были приговорены к расстрелу полсотни инженеров: впрочем, расстрел был заменен десятью годами заключения. В декабре 1930 г. были приговорены к расстрелу, также замененному десятью годами тюрьмы, руководители вымышленной «промпартии», среди них крупнейший теплотехник Л. К. Рамзин, который, впрочем, продолжал работать в заключении, а после досрочного освобождения был награжден Сталинской премией и высоким орденом. Возникли также дела крестьянской партии, Союзного бюро несуществующей социал-демократической партии и др. Внутри КПСС И. В. Сталин, искусно маневрируя, вытеснял и затем уничтожал кадры интеллигенции, сформировавшиеся еще до Октябрьской революции, не щадя, впрочем, и большевиков следующих поколений; так продолжалось до его смерти в 1953 г.

Очень беспокойно и в мире науки — в среде конкурировавших групп философов, претендовавших каждая, что она марксистская-ленинская, у историков, лингвистов и т. д. Кризисная ситуация создалась и в математическом мире, особенно в двух ведущих университетах — Московском и Ленинградском. На физико-математическом факультете МГУ руководящая роль принадлежала профессору Д. Ф. Егорову (1869—1931), члену-корреспонденту и затем почетному члену АН СССР. Егоров являлся директором Института математики и механики МГУ с его основания в 1922 г., а в 1921 г., после кончины знаменитого механика Н. Е. Жуковского, занял его пост президента Московского математического общества. Человек очень широкого математического кругозора, Егоров вместе с профессором Б. К. Млодзиевским (1858—1923) значительно расширил учебные программы, впервые введя, например, курсы теории функций действительного переменного и интегральных уравнений, организовал регулярно функционирующий научный семинар с разнообразной актуальной тематикой и т. д. Придерживаясь, несомненно, консервативных политических взглядов, он политической деятельности не вел, но, будучи глубоко верующим, участвовал в жизни церкви. Авторитет Егорова был на факультете очень велик, и его учениками являлись почти все ведущие профессора факультета — будущие члены-корреспонденты АН В. В. Голубев, И. И. Привалов, В. В. Степанов, академик Н. Н. Лузин, ставший вице-президентом Московского математического общества, профессор С. С. Бюшгент и др., из более молодого поколения будущий академик и ректор МГУ И. Г. Петровский. Студенты Егорова побаивались, он был суховат, хотя и безукоризненно вежлив. Любимцем студентов был Лузин, в обращении приветливый и обходительный; он являлся патроном группы своих учеников, прозванной Лузитанией и разрабатывавшей в 1914—1922 гг. вслед за ним и под его руководством теорию функций действительного переменного. В последующие годы многие ученики Лузина пошли своими путями — в топологии, теории вероятностей, теории чисел, теории дифференциальных уравнений и проч.

В конце 20-х гг. среди младшего поколения московских математиков начало проявляться недовольство руководством факультета: замкнутостью Математического общества, в которое не допускалась на равных правах молодежь, естественным для уже пятидесятилетнего Егорова отсутствием живого интереса к самым новым течениям математической мысли, некоторой односторонностью Лузина, более всего увлеченного теорией функций (также и в комплексной области), недостатком вакансий для высокоодаренных младших сотрудников.

Общественные организации были озабочены составом студенчества, в котором очень слабо были представлены дети рабочих; так называемая чистка студенчества не внесла существенных изменений в его классовый состав, и представители общественных организаций в приемных комиссиях настойчиво, но не очень успешно старались его изменить; с этой целью были созданы подготовительные рабфаки.

В Ленинградском университете создалась обстановка, сходная с московской, только чрезвычайно обостренная. Здесь ведущими математиками были тогда видный представитель петербургской школы член-корреспондент АН Н. М. Гюнтер, он же председатель Ленинградского математического общества, а также профессор В. И. Смирнов (впоследствии академик) и Г. М. Фихтенгольц. Было некоторое различие с москвичами в оценке ряда новых направлений математики, но академические традиции были сходные. Против этих-то ленинградских лидеров и еще нескольких ученых, например профессора С. А. Богомолова и А. В. Васильева, выступила группа безвестных и бездарных математиков, организовавшая в декабре 1928 г. Общество математиков-материалистов при Ленинградском отделении Коммунистической академии и буквально терроризировавшая лучших ленинградских математиков политическими угрозами. За громкими фразами об отрыве теории от практики и партийности естествознания скрывалось совершенное непонимание задач науки и забота о личной карьере. Результатом явилось заявление Н. М. Гюнтера об уходе с поста председателя Математического общества;¹ этот шаг позволил ему остаться профессором университета. Просуществовало Общество математиков-материалистов недолго, его действия описаны в изданной им брошюре,² одним из основных авторов которой был Б. И. Сегал, специалист по теории чисел, впоследствии профессор одного из московских вузов.

В 1930 г. на факультете МГУ произошли резкие перемены. Быть может, начальный повод дали некоторые обстоятельства, связанные с Первым всесоюзным математическим съездом, состоявшимся в Харькове 24—29 июня 1930 г. На открытии съезда с докладом о роли математики в строительстве социализма выступил О. Ю. Шмидт, тогда профессор алгебры и единственный математик, занимавший ответственные государственные должности, а впоследствии прославившийся как руководитель арктических экспедиций и избранный академиком. По этому докладу 29 июня съезд принял резолюцию, в которой среди прочего заявлялось, что дальнейшее развитие математики в СССР надлежит возможно более тесно связать с задачами народного хозяйства страны, но «теоретические проблемы математики не могут быть полностью подчинены практическим проблемам момента».³ Эта резолюция, по-видимому, не встретила никаких возражений среди участников съезда. Иначе сложилось обсуждение предложения послать приветствие происходившему тогда же XVI съезду КПСС. В упомянутой брошюре⁴ мы читаем, что огромное большинство участников Харьковского математического съезда пожелало послать приветствие XVI партийному съезду, но акад. С. Н. Бернштейн (тогда работавший в Харькове), проф. Егоров, проф. Гюнтер «и другие» попытались «затормозить» принятие приветствия. Поведение ученых, частью неназванных, объясняется довольно просто. Текст приветствия, опубликованного не в трудах съезда, а в журнале «Научный работник», состоял из двух частей. В первой части говорилось, что теоретические задачи социалистического строительства «найдут в лице математиков Советского Союза полных энтузиазма и творческой инициативы членов семьи трудящихся СССР». Эта часть текста не могла вызвать возражений с чьей бы то ни было стороны. Но во второй части имелась фраза, которая вряд ли понравилась таким порядочным людям, как Бернштейн, Егоров и Гюнтер: «Успех социалистического строительства не могли не вызвать усиления подрывной работы, которую ведут зарубежные враги СССР и остатки разбитых эксплуататорских классов в нашей стране».⁵ Эти люди не могли верить в подрывную работу советской

интеллигенции, якобы выявленную советскими разведывательными органами. Об этом, вероятно, говорилось в ходе предварительного обсуждения текста резолюции руководителями съезда. На пленарном заседании возражать было бы опасно. Как бы то ни было, о поведении трех названных математиков стало несомненно известно и официальным инстанциям. Весьма вероятно, что внимание на этот факт обратил присутствовавший на съезде Э. Кольман, который вообще многое сделал для опорочения Егорова, Гюнтера, а также Лузина.

Эрнст Кольман (1892—1972), уроженец Праги и воспитанник Карлова университета, в ходе первой мировой войны попал в плен к русским и после Октябрьской революции вступил в РКП (б). Человек разносторонне образованный и знавший математику в объеме университетского курса, он отличался большой активностью и сблизился как с философскими, так и с математическими кругами. В 1929—1935 гг. он состоял научным сотрудником Коммунистической академии и начал выступать устно и в печати то ли по своей инициативе, то ли по указанию сверху против всех неугодных высшим инстанциям лиц. В 70-е гг. он резко переменял свои политические убеждения, под конец жизни уехал в Стокгольм, где вышел из рядов КПСС и умер в глубокой старости.

На рубеже 20-х и 30-х гг. Кольман сблизился с ленинградским Обществом математиков-материалистов, вообще погрузившись в борьбу со всякого рода «уклонами», причем не только в области математики. Так, в журнале «Большевик» (ныне «Коммунист») за 1931 г., № 2, он поместил статью «Вредительство в науке», где на нескольких страницах (73—81) «разоблачил» примеры «вредительства» в самых разных сферах знания — от психологии до политической экономии и финансового дела, в частности в ряде методологически ошибочных, по его мнению, статей издания Большой советской энциклопедии, таких как «Величина», «Вероятность», «Волны», «Гидромеханика» и даже в кратких биографиях Галилея, Гарвея и Гаусса. Тут досталось и главному редактору О. Ю. Шмидту и руководителю математического отдела известному геометру профессору В. Ф. Кагану. Я не буду задерживаться на изготовленной Кольманом смеси полужизня и лжетолкования, теперь кажущейся забавной, но в те времена весьма неприятной и даже опасной для критикуемых им авторов и редакторов, но возвращаюсь несколько назад, к 1930 г., когда не без его деятельного участия в уже цитированном журнале⁶ появилась «Декларация инициативной группы о реорганизации Математического общества», подписанная такими выдающимися молодыми математиками, как будущие члены-корреспонденты АН Л. А. Люстерник, Л. Г. Шнирельман, А. О. Гельфонд и будущий акад. Л. С. Понтрягин. Вот несколько характерных выдержек из этой декларации. «Обострившаяся классовая борьба в СССР толкнула правую часть профессуры в лагерь контрреволюции... И в среде математиков выявились активные контрреволюционеры. Арестован за участие в контрреволюционной организации проф. Егоров, признанный вождь Московской математической школы... Новый период революции, период наступающего через классовую борьбу социализма, выдвигает лозунг партийности в науке... Математическое общество оказалось неспособным даже на пройденном этапе организовать науку в советских условиях... Некоторые из крупнейших наших молодых ученых до сих пор не удостоились чести попасть в общество... Связанное традициями философского идеализма, восходящего к Бугаеву и др., общество не ставило, конечно, вопросов марксистской методологии науки. Зато в его рядах процветали поповщина и церковное мракобесие... Общество должно быть коренным образом реорганизовано... Подписавшиеся удовлетворены тем, что на последнем заседании совета Института исключен проф. Фиников...» Говорилось также о сближении с пролетариатом, планировании научной работы, борьбе за марксистское мирозерцание в вопросах математики и т. д.

Трудно сказать, верили ли подписавшие декларацию молодые ученые в соответствие их утверждений действительности; в одном они были, впрочем,

правы: «В президиуме общества нет ни одного ученого, выдвинувшегося в советский период (хотя подавляющая часть научной работы ведется ими), не говоря уже о коммунистах и марксистах», правы с одной оговоркой: очень значительную научную работу вели и более зрелые ученые Н. Н. Лузин, П. С. Александров, И. И. Привалов, В. В. Степанов, А. Я. Хинчин и многие другие.

Такую декларацию мог бы написать и Кольман, консультативное участие которого в ее составлении весьма вероятно. Однако декларация была напечатана с опозданием: уже 21 ноября 1930 г. Московское математическое общество было реорганизовано, а в декабре был арестован и выслан в Казань Егоров, скончавшийся в больнице 10 сентября 1931 г.

Московский физико-математический факультет лишился не только Егорова, его добровольно покинул и Н. Н. Лузин, в августе 1930 г. вернувшийся из длительной командировки в Париж, где он подготовил и опубликовал на французском языке свои знаменитые «Лекции об аналитических множествах», вышедшие с лестным предисловием А. Лебега перед самым его отъездом домой. Странная судьба постигла эту книгу в России. Последующие события задержали издание ее русского перевода до 1953 г., причем вышла она без предисловия Лебега, которое было напечатано в «Успехах математических наук» только в 1985 г. с интересным комментарием В. А. Успенского.

Уход Лузина из Московского университета легко объясняется той пугающей обстановкой, в какой он застал физико-математический факультет при возвращении из Парижа. Возможно, что тут сыграла роль и личная обида: Институт математики и механики МГУ при выборах в Академии наук 1929 г. выдвинул на вакансию действительного члена Егорова, а не Лузина (который был избран по предложению А. Н. Крылова по впервые учрежденному отделению философии, после чего был вскоре переведен в отделение математики).⁷ Когда в 1931 г. старейший из учеников Лузина Хинчин, бывший некоторое время директором Института, предложил Лузину вернуться в МГУ, Лузин ответил отказом, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Впрочем, в 1935 г. Лузин возвратился на факультет, но по независящим от него обстоятельствам только до лета 1936 г.

Весной 1931 г. Кольман открыто вмешался в математическую жизнь. 27 апреля 1931 г. в Ленинграде и 5 июня в Москве на I Всероссийской конференции по планированию математики (вторая конференция не понадобилась) он сделал доклад «Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции». Здесь он взялся за дело, которое было ему явно не по плечу. Математические знания его были неглубокие, и целостного представления о состоянии математики к 1930 г. и перспективах ее последующего развития он не имел: к тому же его видение математики было искажено предвзятыми идеологическими установками, выдаваемыми без всяких к тому оснований за марксистско-ленинские. По докладу Кольмана конференция приняла 9 июня резолюцию «О кризисе буржуазной математики и о реконструкции математики в СССР».

Приведем две выдержки из резолюции конференции. О математике в буржуазных странах говорилось: «Попытки уложить развивающееся содержание математики в идеологическую формально-логическую схему приводят к современному кризису основ математики (интуиционизм Броуера, математика Гильберта, идеализма в стиле тенденций французской теории функций и ее ответвлений — Серпинский,⁸ Лузин)».⁹ Далее утверждалось, что неразрывно связанный с идеализмом отрыв теории от практики, от вычислений и т. д. влечет за собой упадок математики и рост теорий, обреченных на загнивание. На самом деле методологические разногласия и споры между приверженцами Броуера, Гильберта, Рассела и других вовсе не отражались на продолжавшемся поступательном развитии в капиталистических странах математики и ее приложений. Более того, соревнование различных концепций в области оснований математики приносило богатые плоды, о чем хорошо знали и в Советском Союзе, где вся

эта проблематика живо обсуждалась во второй половине 20-х гг. Быстро развивалась математическая логика, блестящие результаты были получены А. Гейтингом, К. Геделем, а в СССР профессором В. И. Гливенко и А. Н. Колмогоровым, впоследствии академиком. В этой части резолюция совершенно не отражала реального положения вещей. К счастью, она не помешала расцвету у нас математической логики, которой в середине 30-х гг. успешно занялись будущие академики П. С. Новиков, А. И. Мальцев, член-корреспондент АН СССР А. А. Марков-младший и многие другие ученые. Здесь уместно отметить заслуги профессора С. А. Яновской, которая, мужественно отражая нападки на математическую логику со стороны невежественных людей, претендовавших на исключительное владение марксистско-ленинской методологией науки, активно содействовала успехам этой дисциплины в нашей стране и созданию специальной кафедры в МГУ, не оставляя свои исследования по истории математики.

Столь же неверно характеризовала резолюция положение математики в Советском Союзе. Успехи признавались, но вместе с тем утверждалось, что «она еще не приобрела того лица, на котором отразился бы социалистический характер нашей революции. Этому особенно препятствовала реакционная прослойка среди дореволюционной профессуры, пошедшая по пути идеологической эмиграции, ведя за собой до последнего времени значительную часть математических кадров (Гюнтер, Егоров и др.)». Политическая клевета соединялась здесь с искажением реального состояния дел. Каковы бы ни были политические взгляды Гюнтера, Егорова «и др.», оба они и ученики Егорова Н. Н. Лузин, В. В. Степанов, И. И. Привалов — оба впоследствии члены-корреспонденты АН СССР, И. Г. Петровский, а также ленинградцы С. Л. Соболев и Л. В. Канторович — все трое стали потом академиками — внесли чрезвычайно значительный вклад в математику. А международная школа теории функций с ее разветвлениями в СССР и Польше сыграла выдающуюся роль в развитии математики в целом, в частности в формировании функционального анализа (достаточно вспомнить имена М. Фреше и С. Банаха). Более того, московская школа теории функций прививала молодежи навыки творческого мышления и интуиции, чрезвычайно ценные при решении инженерных задач, например, в области самолетостроения, как показала, скажем, деятельность академиков М. А. Лаврентьева, а затем М. В. Келдыша.

Участники конференции не решались выступить против обозначенных выше неверных положений резолюции. И это неудивительно: в пору репрессий людям было не до дискуссий. Впрочем, математики прибавили к резолюции несколько полезных дополнений, касающихся актуальных задач в различных областях их науки, а также подготовки математических кадров, потребность в которых быстро возрастала в связи с расширением высшего технического образования, обусловленным ускоренными темпами индустриализации страны. Все эти решения напечатаны в цитированном выпуске «Математического сборника». Заметим, что ответственным редактором последнего с 1931 г. стал вместо Д. Ф. Егорова Л. А. Люстерник, а секретарем редакции А. О. Гельфонд. Новая редакция оповещала, что во время набора первого выпуска журнала за 1931 г. произошла крупная реорганизация Московского математического общества, органом которого являлся «Сборник». «Реакционера-церковника» Д. Ф. Егорова, боровшегося против политики Советской власти в области высшей школы и науки под флагом защиты «академических традиций» и «чистой академической науки», общество исключило, как и других реакционеров (вероятно, имелся в виду С. П. Фиников), и пополнилось за счет аспирантов.

События 1930—1931 гг., столь драматически закончившиеся для Д. Ф. Егорова, тягостно отразились и на Н. Н. Лузине, но в гораздо меньшей степени: он сохранил влиятельное положение в Академии наук и в ее Математическом (тогда еще Физико-математическом) институте, где руководил отделом теории функций. Однако политическое доверие к нему оказалось поколебленным. На-

пример, ему (так же как С. Н. Бернштейну и акад. Н. М. Крылову) не было разрешено принять участие в Цюрихском международном математическом конгрессе 1932 г. На конгресс поехали всего три советских делегата: члены-корреспонденты П. С. Александров, Н. Г. Чеботарев, а также Э. Кольман как руководитель делегации. Между прочим доклад Кольмана о математических рукописях Маркса, незадолго до того опубликованных и прокомментированных С. А. Яновской, был сделан очень неудачно и вызвал недоумение многих участников конгресса.

Собственно «дело» акад. Н. Н. Лузина началось четыре года спустя, в пору все усиливавшихся массовых репрессий. Неизвестно, по чьей инициативе оно началось. Но можно с уверенностью сказать, что самое активное участие в организации «дела» принял Э. Кольман, в 1935—1938 гг. занимавший должность заведующего отделом науки Московского комитета КПСС, когда его первым секретарем был Н. С. Хрушев. Активное закулисное участие Кольмана не вызывает никаких сомнений: без его санкции «дела» вообще не было бы и контролировал ход «дела» с самого начала и даже до его начала, привлекая при том некоторых математиков, конечно он. Все статьи, шельмовавшие Н. Н. Лузина (и содержавшие часто ложную информацию), все собрания, созываемые для осуждения Лузина, проходили под наблюдением Кольмана. Позднее, в 60-е гг., он постарался забыть свое участие в «деле» Н. Н. Лузина. Я поверхностно был знаком с Кольманом еще до Отечественной войны, а с 1953 г. он несколько лет работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР, и здесь мы встречались регулярно. Знакомство наше продолжалось и после его ухода из Института, и в разговорах со мной он был, вообще говоря, довольно откровенным. Но на мои неоднократные вопросы о том, что ему известно о «деле» Н. Н. Лузина, он неизменно отвечал, что когда-то слышал о нем, но толком ничего не помнит. Такой же ответ он прислал уже будучи в эмиграции на вопрос моего французского коллеги профессора П. Дюгака. Память у Кольмана и на старости лет была очень крепкая. Скорее всего, ему было неприятно вспоминать о своем бессовестном поведении при организации антилузинской кампании. Впрочем, стыдно было не ему одному, но и многим другим лицам, принявшим в этой кампании деятельное участие, как свидетельствуют их статьи о Н. Н. Лузине, написанные по тому или иному поводу после его кончины.

Следует признать, что инсценировка «дела Н. Н. Лузина» была искусно продумана с самого начала. Поводом явился, казалось бы, незначительный эпизод. В конце июня 1936 г. Лузин был приглашен на выпускной экзамен в школу № 16 Дзержинского района Москвы. Затем его попросили публично высказать свои впечатления. 27 июня в «Известиях» появилась его статья «Приятное разочарование», где говорилось, что приехал он в школу с несколько предвзятым мнением о плохой математической подготовке выпускников, но в ходе экзамена был приятно разочарован: все ответы, даже на вопросы, выходящие за рамки школьной программы, были правильны, свидетельствовали о глубоком понимании предмета, а слабых учеников не оказалось ни одного.

Конечно, отзыв был чрезмерно хвалебным и, быть может, Лузин хотел снискать благоволение высших сфер. Как вскоре разъяснил директор Г. И. Шуляпин, часть ответов была очень хорошей или хорошей на самом деле, но имелись и «троечники», примерно одна треть. Тем не менее приглашение на экзамен являлось несомненной ловушкой: в математических кругах было известно, что Лузин всегда дает только хорошие отзывы на любые представленные ему работы и на экзаменах чрезвычайно снисходителен. Предложение опубликовать в печати свои впечатления явилось следствием элементарного расчета. Было заранее ясно, что выскажется Лузин весьма похвально, за что его можно будет подвергнуть критике, после чего приступить к более серьезным обвинениям. К тому же в Наркомпросе он высказался о преподавании математики в средних школах в целом отрицательно, правда особенно подчеркивая низкое качество общепринятого тогда учебника геометрии Гангиуса.¹⁰

Через пять дней началась газетная кампания против Лузина. 2 июля «Правда» поместила «Ответ академику Лузину», подписанный директором 16-й школы Г. И. Шуляпиным. В статье говорилось, что в школе есть разные ученики, в том числе слабые, что школьники не владеют навыками математического мышления, не умеют работать с книгой. Школа нуждается не в лицемерных похвалах, а в товарищеской критике. Далее следовал вопрос: «Не было ли Вашей целью замазать наши недостатки и этим самым нанести нашей школе вред?». Статья Лузина, заверял директор, не достигнет своей цели — дезориентировать учителей. Подобные нападки на знаменитого академика со стороны школьного директора несомненно были инспирированы на более высоком уровне.

И уже на следующий день «Правда» приступает к травле всемирно известного ученого, чтобы преподать урок смирения всей советской интеллигенции, причем в области математики, казалось бы, особенно далекой от животрепещущих политико-идеологических проблем. О значении, которое придавалось делу Лузина, свидетельствуют статьи в «Правде» от 3, 9, 10, 12, 13, 14, 15 и 16 июля и множество собраний и резолюций научных работников. Уже статья от 3 июля свидетельствует, что весь обвинительный материал был подготовлен заблаговременно и при участии каких-то математиков, якобы бывших в курсе даже частных разговоров академика, если такие разговоры действительно имели место, а не были плодом журналистской фантазии.

Примечательной особенностью «дела Лузина» явилось то обстоятельство, что, достигнув вскоре апогея, грозившего самыми суровыми карами, оно вдруг оборвалось. Лузин уцелел, отделался, как говорят, «строгим выговором с предупреждением».

Итак, 3 июля появилась грозная редакционная статья «О врагах в советской маске». Она содержала набор зловещих обвинений. Ответ директора 16-й школы, говорилось в статье, лишь приоткрыл занавес, маскировавший вражескую «деятельность» Лузина — пока еще именуемого академиком. В статье утверждалось, будто ответ Шуляпина в тот же день (!) повлек за собой множество писем в редакцию «от работников в области математических наук». А более пристальное рассмотрение деятельности академика показывает, что его восторженный отзыв в «Известиях» не случаен, а есть лишь одно из звеньев длинной цепи ловко замаскированных действий.

Предъявляемые Лузину обвинения можно разделить на несколько групп. Во-первых, это систематические незаслуженные похвальные отзывы о работах людей, добивавшихся профессорских и докторских титулов, таких как В. С. Эйгес, В. В. Депутатов, П. А. Бессонов (позднее будет добавлено имя Н. П. Романова и др.). Что касается Эйгеса, то Лузин одобрительно отозвался о какой-то геометрической его работе, между тем как профессор А. Я. Хинчин показал, что она совершенно элементарна. Работа Эйгеса неизвестна, и судить о ней нельзя. Согласно воспоминаниям П. С. Александрова, обучавшегося у Эйгеса математике в Смоленской гимназии, это был чрезвычайно одаренный педагог.¹¹ А Депутатов, Бессонов и Романов были хотя и не первоклассными, но вполне серьезными учеными и стали достойными профессорами высшей школы. Между тем в статье «Правды» Лузину бездоказательно приписывали намерение засорять ряды советских математиков бездарностями. Кроме того, в статье утверждалось, что в беседах с друзьями Лузин с насмешкой говорил о собственных отзывах. Можно усомниться в правдивости таких утверждений: в своих разговорах Лузин всегда был чрезвычайно осторожен. Если же в этих утверждениях есть хоть капля правды, то нельзя не сожалеть, что среди математиков нашлись доносчики, снабжавшие редакцию «Правды» дезинформацией.

Далее, Лузин обвинялся в «саботаже», именно в том, что лучшие работы он публикует за рубежом, а в Советском Союзе печатает только малоценные статьи, над которыми он будто бы сам издевается в интимном кругу. Это явная

клевета. В 1931—1935 гг. ученый напечатал в СССР 15 больших работ, в том числе «О методе академика А. Н. Крылова составления векового уравнения» (1931), «О качественном исследовании уравнения движения поезда» (1932), «О методе приближенного интегрирования академика С. А. Чаплыгина» (1932), «Современное состояние теории функций действительного переменного» (1935), «О некоторых новых результатах теории дескриптивных функций» (1935) и т. д. Ранее Лузин публиковал свои результаты за границей чаще.

Как видим, именно в 1931—1935 гг. заметно расширяется круг научных интересов Лузина. Продолжая заниматься теорией функций, он разрабатывает вопросы анализа, связанные с его приложениями и примыкающие к исследованиям таких ярко выраженных представителей прикладной математики, смыкающейся с техникой, как Крылов и Чаплыгин. Последние были в добрых отношениях с Лузиным, и это могло отразиться на двух упомянутых темах его исследований. С другой стороны, он сам учитывал растущую актуальность прикладной математики. Задачу о движении поезда исследовали до Лузина другими средствами Н. Е. Жуковский, тот же С. А. Чаплыгин. Впрочем, прикладными вопросами Лузин занимался и ранее: в начале 20-х гг. Чаплыгин привлек его к работе в Научно-исследовательском институте путей сообщения. Иными словами, характеристика публикаций Лузина 1931—1935 гг. как незначительных была глубоко несправедливой.¹²

Далее следует чудовищное заявление, что сомнительна принадлежность Лузину многих его трудов. Утверждается, что он сделал все возможное, чтобы удалить из Москвы своего талантливого ученика М. Я. Суслина, открывшего в 1917 г. очень важный класс так называемых A -множеств, чтобы помешать его дальнейшей работе, и что после смерти Суслина в 1919 г. использовал это открытие в изданных за границей работах, выдавая за свое. К этому добавлено было еще одно обвинение Лузина в плагиате, а именно на обложке книги «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» (1935) стоит имя Лузина, содержание же монографии составляют, мол, открытия его ученика П. С. Новикова (впоследствии академика). Оба эти обвинения подробно обсуждались в академической комиссии по «делу» Лузина, и мы к ним вернемся далее. Пока что упомянем лишь, что П. С. Новиков вместе с А. А. Япуновым (позднее членом-корреспондентом АН СССР) опубликовали обстоятельный обзор развития в СССР дескриптивной теории функций, в котором заслуги М. Я. Суслина, Н. Н. Лузина, самих авторов обзора и других ученых в теории A -множеств оценены вполне объективно.¹³ Уместно добавить, что Новиков был редактором русского издания упомянутой выше книги об аналитических множествах во втором томе собрания сочинений Лузина (1958).

В заключение статьи говорилось, что Лузин вышел из «бесславной» царской «московской математической школы» с ее черносотенной философией, центральными идеями которой были православие и самодержавие; известно, говорилось далее, что Лузин и ныне придерживается тех же взглядов, быть может несколько модернизированных на фашистский лад (!). Он мог бы, дескать, стать честным советским ученым, как и многие ученые старшего поколения, но не пожелал этого и остался врагом, рассчитывая на социальную мимикрию, на непроницаемость надетой им на себя маски. Не выйдет это, господин Лузин, восклицал анонимный автор редакционной статьи. Советская научная общественность сорвет маску добросовестного ученого, и он предстанет перед ней как предатель интересов науки, желающий угодить своим старым учителям, ныне «учителям фашистской науки». И это говорилось о Бореле и Лебеге, незадолго перед тем избранными в АН СССР (соответственно иностранным членом и членом-корреспондентом).¹⁴ Все эти и другие вопросы обсуждались на заседаниях академических комиссий, и я к ним еще вернусь.

Казалось, что теперь следовало ожидать самой суровой кары, но сигнал сверху все не поступал, и газетная шумиха продолжалась.

А что происходило в это время в среде математиков? В день публикации статьи, 3 июля, состоялось собрание в Математическом институте АН СССР, директором которого являлся акад. И. М. Виноградов, а Лузин заведовал отделом теории функции. Протокол собрания неизвестен, но, судя по отчету,¹⁵ с резким осуждением Лузина выступили более 10 человек. В постановлении «самокритично» оценивался «гнилой либерализм» институтской общественности, не разглядевшей врага под маской советского академика. Собрание приняло решение просить Президиум АН СССР снять Лузина с постов председателя группы математики академии и председателя квалификационной комиссии, а также поставило вопрос о дальнейшем пребывании его в числе академиков. Текст постановления напечатан.¹⁶

После 3 июля наступило затишье. Тем временем в защиту Лузина мужественно выступили несколько крупнейших академиков старшего поколения. Резкой критике подверг статью в «Правде» от 3 июля акад. П. Л. Капица. Уже 6 июля он отправил Председателю Совнаркома В. М. Молотову уже упоминавшееся письмо. Начиналось оно так: «Товарищ Молотов, статья в „Правде“ о Лузине меня озадачила, поразила и возмутила, и как советский ученый я чувствую, что должен сказать Вам, что я думаю по этому поводу».

В начале письма Капица так высказался о самом Лузине: «Я не хочу защищать моральных качеств Лузина... Но нет сомнения, что он наш крупнейший математик, один из четырех самых лучших наших математиков, его вклад в мировую науку признается всеми математиками как у нас, так и за границей. К тому же он сделал больше, чем кто-либо другой из наших математиков, чтобы собрать и воспитать ту плеяду молодых советских математиков, которых мы сейчас имеем в Союзе». Многие рекомендации Капицы по «перестройке», как он выразился, Академии сохраняют актуальность и сегодня.

Через два дня П. Л. Капица получил свое письмо обратно с весьма нелюбезной надписью на уголке: «За ненужностью вернуть гр-ну Капице. В. Молотов». Можно предположить, что Молотов рассказал о письме Капицы Сталину и что оно, а также устные беседы Капицы с его коллегами сыграли немалую роль в дальнейшем ходе «дела Лузина».

В одно время с П. Л. Капицей статью в «Правде» прочитали еще два весьма влиятельных ученых — академики В. И. Вернадский и С. А. Чаплыгин; с обоими Лузин был дружен.¹⁷ Вернадский сообщил из академического санатория Узкое (близ Москвы) о статье в «Правде» Чаплыгину, находившемуся тогда в Ессентуках. Письмо Вернадского не обнаружено, но, судя по ответу Чаплыгина от 11 июля, написанному через три дня после получения сообщения Вернадского, его реакция была немедленной. Письмо Чаплыгина хранится в Архиве АН СССР.¹⁸ Соглашаясь с тем, что поставленный Вернадским вопрос «срочный и очень серьезный», Чаплыгин продолжал: «Статья о Лузине просто возмутительна: пусть он погрешен в оценках того или другого ученого, того или другого претендента на ученую степень, ученое звание; но как отсюда делать вывод о вредительстве, о злонамеренном засорении профессуры? Покойный наш Н. Е. Жуковский тоже частенько ценил некоторых кандидатов на ученые степени выше, чем, кажется, они заслуживали; но отсюда, конечно, никаких иных выводов, кроме как о доброте Н. Е., никто не делал. Что касается обвинения в фашизме, проскальзывающем в статье, о принадлежности к старой московской реакционной школе математиков, то я этого уже совсем не понимаю... Среди математиков в Москве когда-то были крайне правые, но их можно сосчитать по пальцам: Некрасов, Лахтин, Бугаев».

Далее в письме Чаплыгина сказано: «Остается критическая оценка научных трудов Н. Н. Лузина. Но по этому поводу приходится сказать только то, что здесь вполне обнаружилась несостоятельность авторов, доказывающая малое и поверхностное знакомство с его работами, их сознательное искажение правильной оценки... По его работам Н. Н. знает весь математический мир, и, конеч-

но, авторитет его несравним с авторитетом Хинчина, который ему противопоставляется».

К своему письму Чаплыгин приложил текст посланной им Лузину телеграммы: «Поражен неожиданными совершенно незаслуженными газетными нападками на Вас. Ваш высокий всемирно признанный научный авторитет не может быть поколеблен. Твердо надеюсь, Вы найдете в себе силы спокойно отнестись к малоавторитетной критике Ваших трудов. О совершенно необоснованных обвинениях другого порядка не говорю». 13 июля В. И. Вернадский со своей стороны послал Лузину сочувственное и ободряющее письмо, черновик которого сохранился: «Дорогой Николай Николаевич, мне хотелось послать Вам эти несколько строк, чтобы сказать Вам, как мы с Наталией Егоровной (женой Вернадского. — А. Ю.) и многие прочие тяжело переживаем травлю против Вас. Нечего и говорить, что мы ни на минуту не можем поверить тем обвинениям Ваших врагов, противоречащим человеческому достоинству... (неразборчиво. — А. Ю.). Всем сердцем желаем Вам найти силы все вынести». Как мы увидим, Н. Н. Лузина поддерживали также академики С. Н. Бернштейн и А. Н. Крылов. Все это были ученые старшего поколения, других моральных воззрений.

9 июля в «Правде» появилась вторая редакционная статья «Традиция раблепия», адресованная всем математикам, печатавшим свои работы за границей. Так поступали многие — Александров, Бернштейн, Колмогоров, Хинчин и, разумеется, Лузин, в адрес которого сказано еще несколько нелестных слов. Далее в статье декларировалось: необходимо прекратить это раблепие перед Западом. Ссылки на нашу полиграфическую бедность и нехватку бумаги неоправданны. «Советское государство хочет и может обеспечить целиком, на сто процентов, своевременное напечатание всех ценных работ всех научных работников». Если сейчас это происходит несколько медленно, то виноваты в этом соответствующие учреждения, прежде всего Академия наук. Да и сами авторы должны быть более требовательными к своим издательствам.

По поводу публикации Лузиным его лучших работ за рубежом П. Л. Капица в цитированном выше письме высказался следующим образом: «Это делают многие ученые у нас главным образом по двум причинам: 1) у нас скверно печатают — бумага, печать; 2) по международному обычаю приоритет дается только, если работы напечатаны по-французски, немецки или английски». Теперь, следует сказать, положение дел иное: многие наши научные работы и целые журналы тут же переводятся на иностранные языки (по большей части на английский) и неизмеримо возросли контакты между советскими и зарубежными учеными. Однако трудности в издательском деле, как это хорошо известно, сохраняются до сих пор и не по вине авторов ученых трудов.

В тот же день, 9 июля, состоялось общее собрание научных работников и аспирантов механико-математического факультета Института математики и механики МГУ, на котором выступила — думаю, не по доброй воле — С. А. Яновская, руководившая тогда отделом философии института. В основном она повторила уже упомянутые выше претензии к Лузину, но кое-что добавила.²⁰ В докладе С. А. Яновской перечень грехов Лузина был продолжен. Переработка Лузиным популярного тогда учебника Гренвиля, переведенного с английского, была неизвестно почему названа «возмутительным вредительством». Особо отмечен был отказ Лузина подписать ответ советских ученых французским ученым, протестовавшим против суда над деятелями «Промпартии» и т. д. Впрочем, нет уверенности в точности отчета о собрании; как упоминалось, журналисты тогда довольно свободно обращались с пересказом услышанных ими речей. В тексте постановления было много слов о притуплении на факультете должной бдительности и выдвигались требования покончить с «гнилым либерализмом», вывести Лузина из состава ученых советов университета и факультетского — института и, так же как в решении академического Математического института, перед Президиумом Академии ставился вопрос о дальнейшем пре-

бывании Лузина в ее составе. Никто не решился выступить в защиту Лузина. Против постановления, по словам присутствовавшего на нем профессора А. Т. Григорьяна, в то время еще студента, голосовали только два самых преданных Н. Н. Лузину его ученика — профессора Н. К. Бари и Д. Е. Меньшов, впоследствии член-корреспондент Академии наук. Напечатано постановление в «Успехах математических наук».²¹

10 июля под прежним названием «О врагах в советской маске» «Правда» напечатала выдержки из резолюции, принятой математиками МГУ, в которой вновь говорилось о вредительстве Лузина, требовалось исключить его из университетских ученых советов (что и было сделано) и ставился перед Президиумом АН вопрос о его дальнейшем пребывании в составе Академии наук. Наличие сведения о собрании в МГУ весьма не полны.

Следующие статьи в «Правде» — от 12 и 13 июля — несущественны, зато весьма важна статья в номере от 14 июля «Враг, с которого сорвана маска», с подзаголовком «В Комиссии Академии наук по делу господина Лузина». Такой подзаголовок не сулил ничего хорошего.

Комиссия, о которой идет речь, была организована 7 июля. Вряд ли в назначении ее членов участвовал президент Академии А. П. Карпинский, который скончался 15 июля 1936 г. в возрасте 90 лет. Фактически Академией руководили тогда два вице-президента, Г. М. Кржижановский и ботаник В. Л. Комаров (29 декабря того же года выбранный президентом), а также Н. П. Горбунов, последний непререкаемый секретарь АН (эта выборная должность была отменена летом 1937 г.). Особенно влиятелен был инженер-энергетик Г. М. Кржижановский, старейший член РСДРП (б), товарищ Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», один из авторов плана электрификации России, член ЦК КПСС с 1924 до 1939 г., неоднократно занимавший высокие государственные и академические посты. Математика ему, как крупному инженеру, была близка. Он, между прочим, приветствовал II Всесоюзный математический съезд как председатель Комитета высшей технической школы.

В комиссию вошли кроме председателя Г. М. Кржижановского академики А. Е. Ферсман, иногда проводивший ее заседания, С. Н. Бернштейн, О. Ю. Шмидт, И. М. Виноградов, А. Н. Бах, Н. П. Горбунов, члены-корреспонденты Л. Г. Шнирельман, С. Л. Соболев, П. С. Александров и профессор А. Я. Хинчин; приняли участие в ее работе также и А. Н. Крылов, А. О. Гельфонд, Л. А. Люстерник, Б. И. Сегал и др. Состоялось пять заседаний комиссии — 7, 9, 11, 13 и 15 июля; стенограммы, оставшиеся неуправленными и содержащие пропуски некоторых фамилий и отдельные неточности, образуют шесть папок и хранятся в Архиве АН СССР.²² Обсуждение дела велось по большей части, но не всегда в присутствии Н. Н. Лузина, и протокол содержит несколько его заявлений. Обсуждение было весьма активным, и, кажется, все члены комиссии приняли в нем участие, многие по несколько раз; оценки обвинений, выдвинутых против Лузина, были нередко весьма различными. К сожалению, эти стенограммы были обнаружены, когда данная статья была готова, и они учтены только в той части, в которой уточняют отдельные положения статьи. Существенный интерес записей состоит в том, что они довольно отчетливо, хотя и не в полной мере, отражают отношения отдельных членов комиссии к Н. Н. Лузину, а последняя, шестая папка позволяет судить о работе над окончательным текстом резолюции комиссии, подготовившей также решение Президиума.

Вероятно, что решающее слово в исходе «дела Лузина» принадлежало Г. М. Кржижановскому, который согласовывал решение комиссии в высших сферах. Можно не сомневаться, что с ним беседовали Капица, Вернадский, Чаплыгин, А. Н. Крылов, принявший самое активное участие в избрании Лузина академиком в 1929 г. Сам Кржижановский хорошо знал как научные достоинства, так и цену «обвинениям» Лузина, но в полемику с «Правдой» вступать

не мог. Отчет о работе и заключении комиссии, опубликованный в «Правде» от 14 июля, не был объективным. Это явствует из сопоставления текста статьи «Правды» с «Заключением комиссии по делу академика Лузина в связи со статьями в газете „Правда“ — „Ответ академику Н. Лузину“ и „О врагах в советской маске“». ²³ Примечательный штрих: если в газете говорится о «деле господина Лузина», то в официальном тексте речь идет о «Заключении по делу академика Лузина». Различие немаловажное!

По содержанию и по тону газетная статья (14 июля) мало отличается от предыдущих (3 и 4 июля). В ней перечислены члены комиссии, описано поведение Н. Н. Лузина, оказавшегося в присутствии своих близких учеников, у которых он якобы тщетно искал сочувствия. Утверждается, что Лузин признался в присвоении чужих результатов, но просил заменить слово «плагиат» на «перенос». Составитель отчета считает эти два слова равнозначными. В газетном отчете утверждается, что Лузин преследовал М. Я. Суслина и довел его до смерти. «Припертый к стенке» своими учениками (в газете они не названы), Лузин будто бы признал, что смерть Суслина лежит тяжелым грузом на его совести, но он не имел в виду довести судьбу Суслина до «катастрофы». Хлесткий и совершенно необъективный газетный отчет заканчивается констатацией: враг разоблачен, но не разоружился.

В полном противоречии с характеристикой поведения ученого на заседаниях комиссии находится собственноручное заявление Лузина в Президиум Академии наук СССР. Неизвестно, было ли оно передано по назначению. Текст не датирован, но из содержания явствует, что написан он в ходе встреч с комиссией. Приведем этот документ с незначительными пропусками.

В Президиум Академии наук
ак. Н. Н. Лузин

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пережив сильнейшее нравственное потрясение после ряда статей в «Правде» и находясь на границе тяжелой нервной болезни, я к сожалению, в настоящий момент не имею возможности лично явиться в Президиум для дачи тех или иных объяснений по поводу брошенных мне обвинений.

Поэтому я вынужден ограничиться в настоящий момент лишь этим письменным заявлением, которому прошу Президиум дать огласку.

1) Я категорически отрицаю и отрицаю наличие малейшего злого умысла в моих отзывах. Имея блестящую плеяду учеников, из которых имена некоторых уже имеют громкую известность, я при выдвижении их в свое время также давал многочисленные отзывы, вполне соответствовавшие существу дела и цели. Я признаю наличие среди моих отзывов в отдельных случаях ошибочных и таких, которые были слишком мягки. Это я делал, имея в виду дать возможность развернуться лицу, относительного которого я сохранял надежды на его будущую работоспособность. Среди лиц, занимавших преподавательские места, мне неизвестен случай, когда таковое лицо проявило бы преподавательскую беспомощность...

Разумеется, я признаю в настоящий момент, когда кадры уже развернулись, недопустимость дальнейшего давания мягких отзывов.

2) Я категорически отрицаю умышленность печатания мною всех моих хороших работ за границей и плохих в СССР. Мною в СССР печатались преимущественно работы прикладного значения, о которых ак. Алексей Николаевич Крылов дал мне письменный отзыв как о блестящих. О других моих работах, печатавшихся в СССР, следует запросить акад. С. А. Чаплыгина, так как они близко касаются его методов.

В дальнейшем, ввиду принятых нашим правительством забот о печатании работ наших ученых на иностранных языках, обращение к загранице делается излишним, и я знаю, что печатание всех вообще научных работ необходимо выполнять в пределах СССР.

3) Я категорически отрицаю наличие какого-либо плагиата у моих учеников... Заимствование идей у моих учеников мне и чуждо и совершенно не нужно, так как мое научное имя получило широкую известность еще до того, как у меня появились ученики.

С обвинением меня в плагиате я прошу лиц, делавших это голословно, выступить в научной печати на двух языках, мною будет дан исчерпывающий печатный ответ на это.

Когда я работал с учеником, я ему давал не только тему, но часто еще изобретал и метод для ее разработки. И когда ученик кончал свою работу, я считал себя вправе продолжать работать этим методом.

Я крайне сожалею, что темы моим ученикам я часто давал в пределах моей личной работы и этим создавал переплетение идей...

Я категорически отбрасываю приписываемые мне антисоветские настроения. Вся моя долгая научная и педагогическая деятельность доказывает, что я все силы клал на развитие научной жизни нашей великой Родины.

В настоящий момент для всех более чем ясно, что необходимо сделать выбор между ориентацией на научную жизнь за границей или на научную жизнь у нас.

Мой выбор категорически и совершенно определенно сделан, и в этом не может быть никаких двух мнений: это полное обращение к советской научной жизни. И в этом отношении я уже дал категорические указания относительно печатания научных работ лишь в пределах СССР.

ак. Лузин

Следующие две статьи в «Правде» — от 15 и 16 июля — несущественны. После них «дело Лузина» на три недели исчезает с газетных полос.

Я кратко изложу теперь наиболее важные, на мой взгляд, части стенограммы пяти заседаний комиссии, содержащих соответственно $68+102+32+114+28=344$ страницы (не считая «Выводов» с многочисленными вариантами и окончательным проектом постановления, который комиссия приняла, по-видимому, на отдельном собрании 19 июля, уже после смерти президента — А. П. Карпинского, последовавшей 16 июля; протокол этого заседания, если оно состоялось, не сохранился).

Различные участники собраний комиссии вели себя по-разному. Не критикуя открыто «Правду», некоторые из них отвергали многие обвинения, выдвинутые против Лузина, и по-своему объясняли те или иные его действия. Многие высказывания на собраниях комиссии и объяснения Н. Н. Лузина несомненно были объективными, но имелись и такие, в точности которых нет уверенности. К сожалению, ни одного из участников заседаний в комиссии нет в живых, нет и свидетелей хода «дела Н. Н. Лузина», которые могли бы уточнить пункты, которые, видимо, навсегда останутся неясными, особенно те, которые касаются отношений между людьми, давно скончавшимися.

7 июля выступил первым С. Н. Бернштейн, высоко оценивший научные заслуги Лузина и высказавший мнение, что обвинения основаны на таких поступках, которые нередко вовсе не позволяют сделать вывода, что он враг Советской власти. Никто из участников заседаний не предъявил Лузину политических обвинений, все, близко знавшие Лузина, говорили, что он вообще никогда не высказывался по политическим вопросам. На упрек Лузина в том, что он не покинул Московский университет, как это сделали многие профессора и приват-доценты, когда реакционный министр народного просвещения Л. А. Кассо зимой 1911 г. исключил из университета несколько тысяч студентов, защитники Лузина указывали, что он в то время (точнее, с осени 1910 по осень 1912 г. и затем с марта 1913 до весны 1914 г.) был в командировке за границей. Его учитель Д. Ф. Егоров также оставался на работе в университете, хотя Б. К. Млодзеевский ушел из него.²⁴ 15 июля Бернштейн говорил: «Почему не упоминают о том... что Н. Н. в 1920 году во время разрухи проявил колоссальный энтузиазм? Почему не упоминается, что с его стороны не было никаких попыток и никто не может сказать, что он выступал когда-либо против советской власти».²⁵

Упрек Лузину в том, что он много времени с 1910 до 1930 г. проводил за границей, Бернштейн и Крылов отводили со всей решительностью. «За границу он по научным делам был командирован советским правительством», — говорил Крылов, добавляя, что и сам он в свое время был командирован за границу на 8 месяцев для покупки книги, а пришлось ему оставаться там 7 лет для закупки и переправки в Россию пароходов, паровозов и т. д. А Бернштейн добавил, что во время командировки 1928—1930 гг. «Лузин написал ту работу, которая представляет наибольшую ценность. Он не написал бы эту работу в тех условиях, которые у нас тогда были... Поэтому нельзя ставить эту командировку ему в вину, — это есть большой труд его жизни, который останется и после того, как мы его осудим или не осудим».²⁶

Иную позицию занял П. С. Александров. Воздав высокую хвалу Лузину как

необыкновенно сердечному и внимательному научному руководителю, которому и сам лично обязан привлечением к работе в области теории функций и который щедро ставил перед своими учениками новые и новые задачи, побуждая их к собственному творчеству, Александров отметил вместе с тем присущие, по его мнению, Лузину психическую неустойчивость и «ненормальные этические реакции». Это проявилось во взаимоотношениях Н. Н. Лузина с одним из самых одаренных его учеников М. Я. Суслиным, открывшим в 1916 г. важный класс множеств, не измеримых по Борелю, которые были названы *A*-множествами, а в литературе получили наименование суслинских множеств. В те времена Лузин во многих случаях представлял «ноты» (краткие заметки) своих учеников в «Доклады» Парижской Академии наук, причем сам переводя их на французский язык, которым они еще не владели или владели недостаточно. В таких случаях он вставлял фразу о благодарности автора своему руководителю, а это позволяло истолковать дело так, что «нота» идейно вдохновлена Лузиным и в той или иной мере результат принадлежит ему. Возможно, что здесь имел место «автогипноз» и Лузин сам верил в то, что результат ученика принадлежит и ему. Во всяком случае, он вскоре стал называть *A*-множества аналитическими. По словам Александрова, в данном случае это вызвало резкое неудовольствие Суслина, «нота» которого была напечатана 8 января 1917 г., и произошел в высшей степени трагический разрыв между ним и Лузиным, ставший впоследствии причиной преждевременной смерти Суслина.²⁷ По мнению Александрова, Лузин несет моральную ответственность за раннюю кончину Суслина.

На деле разрыв между Лузиным и Суслиным произошел позднее, и не в Москве, а в Иваново-Вознесенске, где в 1918 г. был открыт Политехнический институт; Москва переживала в те годы большие трудности с продовольствием и топливом, и Лузин принял приглашение возглавить в Иванове кафедру математики. Он взял при этом с собой несколько учеников, в том числе и Суслина, которому устроил должность экстраординарного профессора. По словам Лузина, было выдвинуто условие, что Суслин сдаст в течение двух лет магистрантские экзамены. Это условие выполнено не было, и научной работой Суслин вообще почти не занимался. Результатом явились трения между Лузиным и Суслиным, и встал вопрос об уходе последнего из Политехнического института. Суслин хотел устроиться профессором в Саратовском университете, где ректором был В. В. Голубев, но Лузин отсоветовал приглашать Суслина по той же причине, по которой тот вынужден был покинуть Иваново-Вознесенск, где провел около года. Тогда Суслин решил ехать к своим родителям, проживавшим в одном из сел Саратовской области, по дороге заболел сыпным тифом, от которого и скончался.

Заслуживает внимания выступление А. Я. Хинчина, возражавшего против ряда обвинений, содержащихся в правдинской статье «О врагах в советской маске». «Суслина, — сказал Хинчин, — называют учеником Н. Н. Лузина, загубленным Н. Н. Ну, когда человек умирает от сыпного тифа, то это слишком резкое выражение. Ведь он мог заболеть сыпным тифом и в Иванове. Но общее мнение таково, что из Иванова Н. Н. выжил Суслина. Однако самый перевод из Москвы в Иваново я считаю услугой, оказанной Суслину Н. Н., тогда еще не враждебно настроенному по отношению к Лузину».

Далее А. Я. Хинчин возражал против того пункта той же правдинской статьи, в котором Лузин объявлялся представителем «бесславной царской московской математической школы, философией которой было черносотенство и движущей силой — киты российской реакции». Дело в том, что, когда Н. Н. Лузин был молод и складывались его академические и, вероятно, политические убеждения, «...в это время в Московском университете происходила борьба между реакционной, действительно черносотенной группой, и другой группой, которую возглавлял Д. Ф. Егоров и которая стремилась к европеизации в буржуазном смысле этого слова Московского университета. И Лузин целиком при-

надлежал к этой второй группе. Он отнюдь не был связан с самодержавным правлением».²⁸ На заседании 9 июля П. С. Александров и Л. Г. Шнирельман в свою очередь отметили, что о политических убеждениях Лузина никто не может ничего сказать. Антисоветских высказываний от него не слышали, он был аполитичен.

Что касается обвинения в плагиате у П. С. Новикова, то 9 июля Лузин разъяснил, что в работе «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» на первой же странице сказано, что далее будут изложены как его личные результаты, так и исследования Новикова, причем на 46-й странице жирным шрифтом напечатано: «Изыскания П. С. Новикова» и с этого места излагаются результаты этого его ученика.²⁹ Впрочем, Н. Н. Лузин действительно не всегда упоминал авторскую принадлежность тех или иных упоминаемых им в его трудах результатов. Усмотреть в этом плагиат было бы несправедливо, эти результаты Лузин вовсе не приписывал себе, но его ученики, как старшие, так и младшие, чувствовали себя обиженными. Так было и в случае П. С. Новикова.

Сам Новиков в заседаниях комиссии не участвовал, но прислал написанное им вместе с А. А. Ляпуновым заявление, озаглавленное «О научных работах академика Н. Н. Лузина», которое и было оглашено. Это очень уважительный и компетентный обзор исследований Лузина, разбитый на три части: метрику, теорию функций комплексного переменного, дескрипцию. О «Лекциях об аналитических множествах» 1930 г. говорится, что в них не всегда достаточно ясно отмечено, что многие излагаемые результаты не принадлежат самому автору, даже в тех случаях, когда эти результаты печатаются подробно впервые. Так было с некоторыми результатами П. С. Александрова, М. А. Лаврентьева и П. С. Новикова, возможно, — и М. Я. Суслина.³⁰ Впрочем, несколько далее сказано, что «ссылки на Суслина имеются, и они находятся в полном согласии с цитированной выше нотой Суслина».³¹

Трудно теперь судить о справедливости и несправедливости претензий всех этих выдающихся математиков к своему учителю. Мне представляются мудрыми слова, сказанные 15 июля С. Н. Бернштейном: «Учителя дают ученикам нечто невесомое, и ученики это не всегда оценивают. И если речь идет о конкретном факте, то основные идеи, которые легли в основу открытия, принадлежат учителю и отделить это довольно трудно. Если же ни учитель, ни ученик не обладают в этом отношении соответствующей деликатностью,³² то всегда возникают недоумения».

Весьма любопытны для биографии Н. Н. Лузина некоторые автобиографические замечания, сделанные им в связи с обвинением в низкопоклонстве перед иностранными учеными. Рассказывая на заседании 11 июля о своих отношениях с зарубежными математиками, он подчеркнул то значение, которое для него имела вторая заграничная поездка, когда он полтора года провел в Геттингене. Здесь «один из моих учителей — проф. Ландау очень много мне дал, под его руководством я написал свою работу».³³ В Москве, продолжал Лузин, его заставляли массу читать, а творчески работать — нет; этому он научился в Геттингене. Вместе с тем немецкая математика отталкивала Лузина «своим немножко казенным отношением», и он «переменил свою ориентацию на французскую», соответствующую его «стремлению к широким идеям, а не к детальным анализированиям».³⁴ В Париже у него сложились очень теплые отношения с А. Лебегом. «Надо сказать, что он человек совершенно исключительный, вышедший из низов, сын еврейского сапожника. Он человек чрезвычайно чуткий, и нужно сказать, что всю ту нежность, которую я испытывал и которую я был лишен возможности проявить по отношению к Егорову, я перенес на Лебега. Так что мне заискивать было нечего... я уступаю по силе Лебегу, но все-таки чего-нибудь да стою. Так что заискивания и низкопоклонства здесь не было. Теплое отношение ко мне с его стороны и к нему с моей стороны».³⁵ Характером

взаимоотношений обоих ученых объясняется, очевидно, что Лебег написал предисловие к книге Лузина 1930 г.

На протяжении всех этих заседаний вырабатывалась и резолюция комиссии. Некоторые участники заседаний, как Б. И. Сегал и другие, предлагали сохранить в ней крайне резкие формулировки, содержащиеся в статьях «Правды»; другие, как С. Н. Бернштейн и А. Н. Крылов, возражали против этого, например, 15 июля Бернштейн предложил изъять «холопское отношение» (к иностранным ученым. — А. Ю.).

Текст заключения академической комиссии составлен весьма дипломатично. В нем прежде всего констатируется: «Н. Н. Лузин является крупным ученым, возглавлявшим в течение 1915—1922 гг. одну из значительных математических школ СССР. В то время Н. Н. Лузин привлек многочисленных учеников из университетской молодежи, из которых многие стали видными учеными. Однако по мере научного роста учеников и в особенности при их попытках стать на самостоятельный путь научного исследования отношение Н. Н. Лузина обычно портилось, вплоть до враждебности с его стороны». Что же, все это в целом соответствовало действительности, хотя враждебность — слишком сильное выражение. Ревнивое отношение к ученикам, отходящим от тематики учителя, не такое уж редкое явление в научной, да и не только в научной среде.

Далее снова говорится, что Лузин был питомцем старой московской математической школы, принадлежавшей к реакционному крылу профессуры, но что он «воздерживался от каких-либо явных политических выступлений». Все же об антисоветских настроениях, враждебности, вредительстве Лузина в заключении комиссии нет ни слова. По вопросу о плагиате комиссия высказалась сдержаннее, чем «Правда»: ссылки на работы учеников «носят намеренно неясный характер и способны ввести в заблуждение», перенос авторства на себя в ряде случаев имел место. Об ответственности Лузина за смерть Суслина вовсе не упоминается. Осуждаются его некоторые хвалебные отзывы. В целом же характеристика, данная Лузину в газете, подтверждается: вступить в полемику с «Правдой» было по меньшей мере неудобно даже Кржижановскому. Но особенно существенно в заключении комиссии отсутствие какого-либо «оргвывода» и постановки вопроса о дальнейшем академическом статусе Лузина. Все это свидетельствовало, что руководство Академии отводило самые острые политические обвинения и открывало возможность компромиссного решения по «делу». Свои переговоры на высшем уровне Кржижановский вел скорее всего устно. Во всяком случае документы об этом неизвестны.

Очередной урок «смирения» научной интеллигенции был преподан. Человек, вершивший тогда судьбы страны, особого интереса к судьбе математика Лузина, судя по всему, не имел. Сталина занимали тогда гораздо более важные вопросы: вскоре предстоял публичный судебный процесс по делу Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева...

5 августа 1936 г. Президиум АН СССР принял постановление, опубликованное в «Правде» за 6 августа и в «Вестнике Академии наук СССР».³⁶ Цитировать его нет нужды. Оно составлено в несколько более резких выражениях, чем заключение комиссии. В нем констатируется, что поведение академика Лузина несовместимо с достоинством действительного члена Академии. Вместе с тем, учитывая значение его как крупного математика и исходя из желания предоставить ему возможность перестроить поведение и работу, Президиум счел возможным «ограничиться предупреждением Н. Н. Лузина, что при отсутствии дальнейшего решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н. Н. Лузина из академических рядов».

Как и советовал Чаплыгин, Лузин нашел в себе силы, несмотря на пережитое им нравственное потрясение, продолжить научную деятельность. Он тотчас перешел из Отделения математики в Институт автоматки и телемеханики, но

в 1941 г. был приглашен вернуться в Математический институт. В оставшиеся годы жизни он опубликовал еще около двух десятков превосходных работ поразным вопросам анализа, дифференциальной геометрии, истории математики, доказавших, что он до конца дней обладал большим творческим потенциалом.

Примечания

- ¹ На ленинградском математическом фронте. М.; Л., 1931. С. 38.
- ² Там же.
- ³ Труды Первого всесоюзного съезда математиков (Харьков, 1930). М.; Л., 1936. С. 12.
- ⁴ На ленинградском... С. 16.
- ⁵ Научный работник. 1930. № 8—9. С. 106—107.
- ⁶ Там же. № 11—12. С. 66—71.
- ⁷ Как рассказал на заседании комиссии по «делу Н. Н. Лузина», состоявшемся 7 июля 1936 г., А. Я. Хинчин, кандидатуру Егорова в Институте математики и механики предложил именно он, считая, что академик должен быть хорошим организатором, а Лузин к организаторской деятельности не способен. Зная, что Егоров был в свое время репрессирован, Хинчин имел смелость добавить, что до сих пор жалеет, несмотря ни на что, что Егоров не был избран. Тут же он добавил, что его, Хинчина, позиция стала известной Лузину и после того их отношения порвались (Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1976. Первая папка. С. 25—26). В результате обиженный Лузин долгое время не поддерживал кандидатуру Хинчина в Академии наук, и этот выдающийся ученый был избран членом-корреспондентом только в 1939 г.
- ⁸ Вацлав Серпинский — глава Варшавской математической школы, друг Н. Н. Лузина.
- ⁹ Математический сборник. 1930. № 3—4. С. 5.
- ¹⁰ На заседании комиссии по его «делу» от 9 июля Лузин высказал предположение, что его, быть может, адресовали в особенно сильную школу, причем повторил, что ответы учеников были превосходны.
- ¹¹ Успехи математических наук. 1979. Т. 34, вып. 6. С. 225—226.
- ¹² Там же. 1974. Т. 29, вып. 5. С. 207—208.
- ¹³ Ляпунов А. А., Новиков П. С. Дескриптивная теория функций // Математика в СССР за тридцать лет. 1917—1947. М.; Л., 1948. С. 244 и след.
- ¹⁴ Заключение статьи очень близко к характеристике Н. Н. Лузина на с. 290 книги Э. Кольмана «Предмет и метод современной математики» (М., 1936), подписанной к печати 14 июля того же года. Личное участие Кольмана в подготовке статьи от 3 июля почти очевидно.
- ¹⁵ Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 125—126.
- ¹⁶ Успехи математических наук. 1937. Вып. III. С. 277.
- ¹⁷ О добрых личных отношениях Н. Н. Лузина с упомянутыми учеными свидетельствует следующий фрагмент его неопубликованного письма к Вернадскому от 30 октября 1940 г.: «У меня ведь так теперь немного моих учителей и старших коллег, с именами которых связаны лучшие движения ума и сердца моей молодости, — кроме Вас лишь А. Н. Крылов, С. А. Чаплыгин, Д. М. Петрушевский» (Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 995). Д. М. Петрушевский был специалистом по средневековой истории.
- ¹⁸ Архив АН СССР, ф. 512, оп. 3, д. 1776.
- ¹⁹ Я благодарен С. Р. Микулинскому, который недавно напечатал приведенное письмо в своих «Очерках развития историко-научной мысли» (М., 1988. С. 378).
- ²⁰ Автор этих строк был дружен с С. А. Яновской с довоенных лет и до конца ее жизни (1966 г.). На многократные вопросы о «деле академика Н. Н. Лузина» она неизменно отвечала, что решительно ничего о нем не помнит. Очевидно, ей было тяжело вспоминать о той роли, какую она вынуждена была сыграть в 1939 г.
- ²¹ Успехи математических наук. 1937. Вып. III. С. 276—277.
- ²² Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1976.
- ²³ Там же, ф. 606, оп. 2, д. 37, л. 9—10.
- ²⁴ П. С. Александров со слов В. В. Степанова рассказывал мне, что Д. Ф. Егоров долго колебался зимой 1911 г., какое решение ему надлежит принять, и решил остаться только для того, чтобы работа на факультете не развалилась полностью.
- ²⁵ Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1976. Пятая папка, л. 1.
- ²⁶ Там же. С. 3.
- ²⁷ Там же. Первая папка, л. 15—18.
- ²⁸ Там же. С. 1.
- ²⁹ Там же. С. 50.
- ³⁰ Там же. Вторая папка, л. 67—68.
- ³¹ Там же. С. 69.
- ³² Там же. Пятая папка, л. 8.
- ³³ Это работа о поведении ряда Тейлора на круге сходимости, напечатанная в *Rendiconti del Circolo matematico di Palermo*, 1911.
- ³⁴ Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1976. Третья папка, л. 17.
- ³⁵ Там же. С. 18.
- ³⁶ 1936. № 8—9. С. 7—8.